Советский актер

...В Ростове-на-Дону шли гастроли известного трагика Иванова—Козельского.

На сцене, обуреваемый мучительной рефлексией, Гамлет-принц датский — негодовал на низость человеческой природы. Горько упрекал он вероломную мать, что так поспешно вышла за убийцу своего мужа:

„Один короткий быстротечный месяц!

И башмаков еще не износила,
В которых шла, в слезах,
За бедным прахом моего отца!
О, небо! Зверь, без разума,
без слова,
Грустил бы долее...“

В партере и в ложах—избранная ростовская публика, тузы—пароходчики, владельцы ссылок, табачные фабриканты, биржевые маклеры со своими разряженными супругами, врачи-владельцы собственных лечебниц и много господ офицеров. Беспочтительно болтают. Перебрасываются вслух замечаниями, иные—деловые люди тут вершат сделки... Дамы жуют яблоки, апельсины, конфеты.

А в это время на галерке, в духоте, где сидит „простонародье,“—рабочие, приказчики, конторщики, 16-летний юноша, в форме ученика ремесленного училища, кажется, как никто в зале, вбирал в себя всем существом все, что происходило на сцене. С сердцем, то замирающим, то трепетно бьющимся, не отрывал он восторженных глаз от своего кумира—знаменитого трагика...

А было все это очень давно—в 1892 году.

Юный зритель на галерке был сыном машиниста Владикавказской железной дороги—Коля Петровский. Он только что окончил ремесленное училище. Отец умер.

Нужно было торопиться вступать в отцовскую колею. Ему предстояло стать тоже машинистом. Возможно он был бы не плохим машинистом... Но тогда бы мы не имели прекрасного актера и режиссера Николая Дмитриевича Ланко-Петровского, который вот уже 45 лет верой и правдой служит русскому театральному искусству, отдавая все свои силы, дарование и мастерство народу. Его юбилей на-днях собирается отмечать советская общественность.

—Увидев Иванова Козельского в ролях Гамлета, Кина, Отелло и других, я так был очарован, подавлен его замечательной игрой, что буквально стал бредить театром и свободные вечера пропадал в нем.

Я мечтал сделаться актером. Все свободное время я проводил в городской библиотеке и читал, без конца читал все театральные пьесы, журналы, все, что касалось театра...

Начинается тернистый путь русского провинциального актера. От безгласного статиста через четыре года до артиста на первых ролях—успех для молодого актера без протекции, покровительства, весьма значительный. Иные,—и не всегда неудачники,— всю жизнь мечтали о том, чтобы выступить в первых ролях и с этой неосуществленной мечтой сходили со сцены. Страстная любовь к театру, упорная постоянная работа над собой—вот что выгодно отличало Ланко-Петровского от актерской среде того времени. Он не зазнавался, не „почивал на лаврах“, не мнил себя „жрецом искусства“, на которого нисходит вдохновение. Ланко-Петровский

все время работает над собой, учится и других учит.

За 45 лет своей актерской деятельности Николай Дмитриевич исколесил всю нашу необъятную страну вдоль и поперек.

Положение актера в царской России было несправедливым. Это была профессия, признаваемая лишь „де-факто“. Российское дворянство и буржуазия смотрели на актера, как на шута, скомороха, который за деньги обязан увеселять их, „камедь ломать“. С ним можно еще снизить до переговоров об участии, скажем, в благотворительном спектакле, но можно ли его пригласить к себе за просто, подать руку как равному—это были вопросы спорные.

Церковь поддерживала невежественный, дикий взгляд на театр, как на „бесовское игрище“.

Царицынский погромщик неромонах Илиодор призывал верующих итти с дреколями на „бриторылых лоботрясов“...

Провинциальные актеры подвергались жесточайшей эксплуатации со стороны грубых антрепренеров-кулаков. Нередки были случаи, что, набрав труппу и захватив в какой-нибудь город, антрепренер, достаточно поживившись, бросал ее среди сезона без перспектив на работу, без куска хлеба.

Всю эту многострадальную жизнь провинциального актера извещал Ланко-Петровский.

Великая Октябрьская революция, как и всем трудящимся, принесла и актеру признание человека и гражданина.

—Провинциальный актер, подлинный пролетарий, я сразу почувствовал правду, уверовал в нее—в эту спасительную революцию и пошел с ней,—взволнованно говорит старый деятель сцены.

Одно из трогательных воспоминаний Ланко-Петровского—это о его первом политическом пробуж-

дении. Толчком к этому явилась случайная встреча в 1918 году с Сергеем Мироновичем Кировым, когда пламенный трибун революции, занятый огромными делами политической важности, сумел почеловечески, по-большевистски отнестись к актеру, сделавшемуся жертвой эксплуатации. (Этот эпизод был подробно рассказан Ланко-Петровским в нашей газете).

Почувствовав себя гражданином с приходом советской власти, Николай Дмитриевич с самого 1917 года идет в ногу с рабочим классом. Годы гражданской войны—непрерывная упорная работа в красноармейских клубах, в студиях воинских частей и командных курсов.

Революция пробудила в когда-то аполитичном актере жилку живого активного общественника. Он—первый председатель союза деятелей сцены и арены во Владикавказе в 1918 году, член Кисловодского горсовета в середине 20-х годов, неизменно участвует в профработе союза Рабис, в театральных шефских комиссиях над воинскими частями. Активнейший член избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР.

Взволнованно и радостно говорит старый актер:

—Нет нищез, убогой и забытой матушки—России, вырос могучий Союз ССР, богатый, пышный, цветущий,—культурнейшая страна в мире. Стал человеком и гражданином актер. Какая гордость, какое торжество испытываем мы, бывшие провинциальные актеры, видя и слыша, что многие из нас—члены Верховного Совета, орденосцы... И все это сделала великая партия Ленина—Сталина и наш мудрый и любимый вождь товарищ Сталин!

Мих. Мазанов.